

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Л. ТИХОМИРОВ И К. ЛЕОНТЬЕВ: К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Милевский О.А.

В современных исторических условиях, когда Россия находится на переломе, в состоянии поиска ориентиров, как в политической, так и в духовной жизни, когда специалисты-обществоведы пытаются ответить на вопрос, какие же модели социального устройства более соответствуют нашему национальному характеру, возвращение к идеям сторонников консервативного направления в отечественной общественной мысли конца 19 века, выступавших под девизом "православие, самодержавие, народность", не только важно, но и необходимо. Возможно, именно в осмыслении их взглядов на развитие России, её историю лежит ответ на многие из поставленных вопросов.

Интереснейшими представителями этого течения в русской социально-политической мысли являлись Л. Тихомиров и К. Леонтьев. И, думается, анализ их недолгих, но очень плодотворных контактов, позволит заполнить ещё одно "белое пятно" в истории изучения русской консервативной мысли.

Отметим, что знакомство К. Леонтьева и Л. Тихомирова произошло в 1890 году в редакции журнала "Русское обозрение", где они оба начали сотрудничать [1].

Личность Л. Тихомирова, порвавшего с революционной средой и написавшего нашумевшую брошюру "Почему я перестал быть революционером", очень привлекала К. Леонтьева, как и книга, в которой высказывались мысли, во многом созвучные с идеями самого К. Леонтьева, особенно относительно роли самодержавной монархии в исторических судьбах России. Сближал их и негативизм в отношении политического устройства западноевропейских государств. "Мы встретились как люди умственно равноправные, и то, что оказалось у нас сходным и родственным, было у каждого выработано самостоятельно и различными путями,... сошлись очень быстро, сообщая друг другу и интимные подробности своей жизни, и свои духовные запросы", - позже вспоминал Л. Тихомиров [2].

Встреча с К. Леонтьевым имела огромное значение для него и во многом повлияла на окончательную выработку его мировоззрения и политических взглядов. "Для меня, - писал Л. Тихомиров, - были новы его взгляды на византийский элемент в русской государственности" [3]. Под этим элементом К. Леонтьев подразумевал особого рода культуру, слагающуюся из таких частей, как православная религиозность, монархическая государственность, нравственность, философия и художественность. По мнению К. Леонтьева "византизм в государственности значит - самодержавие; в религии он означает православное христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, ересей и расколов". Что же касается нравственного идеала, то византизм "являлся, по мысли К. Леонтьева, сильнейшей антитезой идей всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства" [4]. Именно эти составные части в понятии "византизм" особенно привлекали Л. Тихомирова в концепции К. Леонтьева. Под его воздействием произошло окончательное становление религиозного мирозерцания Л. Тихомирова.

Сразу же между двумя этими оригинальными мыслителями завязалась активная переписка, так как большую часть времени К. Леонтьев проводил в Оптиной пустыни, а Л. Тихомиров в Москве, где кроме журнальных дел он активно сотрудничал в "Московских ведомостях".

Из их переписки отчётливо следует, что основными темами, которые в ней развивались, были вопросы, связанные с православием и его ролью в исторических судьбах российской государственности. Из письма Л. Тихомирова к К. Леонтьеву прямо явствует, что в вопросах православной веры тот был для Л. Тихомирова

высшим авторитетом: "В отношении понимания православия я вообще вам чрезвычайно обязан" [5]. Сквозит это и в оценке личности К. Леонтьева. В письме О. Новиковой [6] Л. Тихомиров указывал: "Он меня очень привлекает. Эта личность совсем иная - грешная, ломаная, в которой есть великая сила добра... Он из тех у кого ангел и черт... Сверх того, он глубоко сведующий православный" [7]. Л. Тихомиров привязался к К. Леонтьеву видимо не только потому, что их государственные и религиозные идеалы были очень похожи. Связывала их в каком-то смысле, общность судьбы - приход К. Леонтьева, как и Л. Тихомирова, к пониманию православия также был очень сложен. По его собственным высказываниям, в молодости он был атеистом и много грешил, пока полностью не попал под обаяние христианской философии, оказавшись уже в состоянии "сердечной веры", и по этому же пути К. Леонтьев надеялся провести и Л. Тихомирова [8].

Общение К. Леонтьева со Л. Тихомировым во многом способствовало тому, что последний встал на позиции канонического православия. И в дальнейшем в своих статьях и брошюрах он не раз выступал против попыток вольной трактовки установок православной религии.

О воздействии К. Леонтьева на Л. Тихомирова в понимании основ устройства монархической государственности в России уже упоминалось в отношении "византизма". Но нельзя не отметить и тот факт, что вопросы сословности и ее роли в государственной жизни, очень интересовавшие К. Леонтьева, не могли пройти и мимо Л. Тихомирова. Идеи К. Леонтьева по сословному вопросу в России во многом совпадали с нашумевшей в правом лагере работой А. Пазухина "Состояние России и сословный вопрос" [9], в которой последний развивает мысли о необходимости жесткого структурирования русского общества при патронаже дворянского сословия. Они были несомненно близки и Л. Тихомирову, хотя и выражались последним менее категорично, в отличие от К. Леонтьева, который прямо заявлял: "Для того, чтобы задержать народы на пути антихристианского прогресса, нужна сильная царская власть, а чтобы царская власть была сильна, необходимо, чтобы между престолом Царским и народом возвышались прочные сословные ступени". Более того он утверждал, что "сами сословия не менее важны для государства, нежели монархия" [10].

Отметим, что даже непродолжительное общение с К. Леонтьевым оказало значительное влияние на Л. Тихомирова, в смысле создания "положительной программы национального консерватизма" с целью объединения новых консервативных элементов "в некоторое подобие коллективности". Об этих своих попытках Л. Тихомиров сообщил в письме к А. Волынскому (публицисту "Северного вестника"), замечая, что консерваторы «старой закалки находятся в полном разброде, а новые еще недостаточно определились, чтобы слиться воедино» [11].

Близость взглядов К. Леонтьева и Л. Тихомирова привела их к пониманию необходимости совместной работы по организации сил консервативного лагеря в целях борьбы за утверждение истинных идеалов монархизма и православия в противовес враждебным им революционным и либеральным партиям. Обращаясь к Леонтьеву Л. Тихомиров прямо заявлял: "Нужно миссионерство, систематическое, каким-нибудь обществом, кружком. Нужно заставить себя слушать, заставить читать" [12]. Идея организации такого общества занимала и К. Леонтьева, который в шутку называл его "иезуитским орденом". План состоял в следующем: объединить людей одного с ними образа мыслей и всюду их поддерживать, опираться необходимо на свои силы, так как, по мнению Л. Тихомирова, правительственная поддержка была скорее вредна, чем полезна, потому что государственная власть, как и церковная не давала простора для действия, всюду навязывая свои рамки. Общество должно быть невидимым для противников, а следовательно тайным. Видимо, в этом вопросе сказалась "заговорщическая" закваска Л. Тихомирова. Для поддержания тайны

планировалось создать двойной устав: один явный, безобидный, а другой - тайный, содержащий действительные цели организации.

Однако, этим планам не суждено было сбыться, как не суждено было сбыться и планам написания совместной работы К. Леонтьева и Л. Тихомирова, которая была навеяна статьей Л. Тихомирова "Социальные миражи современности" (1891 год). В этой статье Л. Тихомиров доказывал, что коммунистическое общество будет не только деспотичным, но и вовсе не эгалитарным, а сильно расслоенным. Вслед за его брошюрой "Начала и концы" статья несла в себе мощный заряд критики против либерально-демократической идеи управления государством с помощью представительных учреждений. Показывая гибельность этой теории, Л. Тихомиров указывал, что на смену "этой фикции" более успешно выступает социалистическая идея, которая по его словам, "приведет в конце концов к полному порабощению личности государством, основанным на социалистическом принципе, на деле приведшем к деспотизму". "Аристократическая республика с разнообразно закрепощенной массой населения: это единственный исход социал-демократического коммунизма", - заключал он [13]. Выход из этого пагубного движения Л. Тихомиров видел в возвращении к религии, от которой человечество отказалось. Обратим внимание на прямое сходство в этом вопросе взглядов Л. Тихомирова и К. Леонтьева.

Мысли, высказанные в этой статье, очень заинтересовали К. Леонтьева. В письме к Л. Тихомирову от 20 сентября 1891 года он прямо указывает, что основная идея статьи Л. Тихомирова совпадает с философско-историческими взглядами самого К. Леонтьева. "Особенно, - пишет он, - это касается мест, где вы говорите о неизбежности неравноправности при новой организации труда (читай социальное расслоение). Вам станет понятен главный пункт нашего соприкосновения" [14]. В конце письма К. Леонтьев приглашает Л. Тихомирова к совместной работе, посвященной этой тематике. Однако, реализация таких совместных планов требовала от Л. Тихомирова большей независимости, а ему мешала газетная рутина в "Московских ведомостях". "И уже который раз он ставит вопрос о поступлении на государственную службу (доступ на таковую ему был закрыт в связи с его революционным прошлым). К. Леонтьев обещал ему в этом поддержку через своего друга Т. Филиппова (директора Государственного контроля). Но все совместные проекты рухнули со смертью К. Леонтьева 12 ноября 1891 года. В своем дневнике Л. Тихомиров отмечал: "У меня еще не умирало человека, так близкого мне не внешне, а по моей привязанности к нему... Он мне был очень нужен. Только на днях предложил учить меня, быть моим катехизатором. И умер!" [15].

В заключении хотелось бы отметить, что несмотря на столь непродолжительные контакты (чуть более полутора лет), их идеи и мысли, как реализованные, так и нереализованные, способствовали становлению и дальнейшему развитию социально-политической мысли консервативного направления.

К сожалению само их творческое наследие крайне неохотно использовалось даже в самом правом лагере. Например друг К. Леонтьева Т. Филиппов замечал, что "К. Леонтьев дописался до чёртиков". Невостребованными оставались в большинстве и идеи Л. Тихомирова, с грустью отмечавшего в своём дневнике: "Я нахожусь вне современной России. Нет вокруг родственного духа, и я чужой каждому. От правых, кажется, я стою в стороне больше, чем от левых" [16].

Такому неприятию их своеобразных преобразовательных идей, направленных на оздоровление русского общества на основе учёта его национальных традиций и особенностей, было своё объяснение.

В 80-90-е годы консервативная идеология находилась в состоянии идейного поиска и испытывала мучения от внутренних распрей, но самое главное от быстрых социально-экономических перемен в стране и в классовой структуре общества. На этот же глубокий конфликт между современным прогрессом и техникой, с одной стороны, и традиционным социальным и политическим порядком, с другой, указы-

вал в своих работах и К. Леонтьев, выступавший яростным противником "эгалитарного механистического прогресса, ставящего целью создание среднего человека, буржуа, погрязшего в мещанском быте"[17]. Именно в этот момент социально-экономической ломки неожиданно наступила смерть Александра III, больно ударившая по состоянию консервативного лагеря. Отметим, что незадолго до этого, в 1891 году умерли К. Леонтьев и А. Пазухин, чуть позже И. Астафьев и Ю. Говоруха-Отрок. Уходили представители старой консервативной школы, того типа консерватизма, который Р. Пайпс, выделявший в российской истории всего четыре типа консервативной идеологии, называл интеллигентским.

Как справедливо считает Р. Пайпс, он сложился в 50-60 годы и отличался от прежнего дворянского тем, что во-первых, перестал быть идеологией элиты, заменив идеал единства самодержавия с дворянством, на идеал единения самодержавия с народом, а во-вторых, из космополитического дворянского, ориентирующегося на западную культуру (с гувернерами французами) стал подчеркнута национальным [18]. Именно его представителями были: К. Леонтьев, И. Аксаков, А. Григорьев, М. Катков, А. Киреев и Л. Тихомиров. Представители этого консервативного идеала пытались воздействовать на монархию с тем, чтобы ликвидировать "средостенье" между монархом и народом, выражавшееся в излишней бюрократизации управления. Однако, изменившиеся социально-экономические отношения привели к тому, что этот тип консерватизма в конце 80-х годов начинал клониться к закату, который особо остро ощущали как К. Леонтьев, так и Л. Тихомиров. На место умерших теоретиков приходили люди из лагеря нарождавшейся консервативной бюрократии. На горизонте восходил четвертый тип консервативной идеологии - идеологии бюрократического консерватизма, опирающегося на то, чтобы от ориентации на союз самодержавия и народа перейти к союзу самодержавия и бюрократии против народа, используя для этого все формы и методы "полицейского" государства.

Очень оригинально о таком типе консерваторов высказывался К. Леонтьев, характеризуя К. Победоносцева: "Он не только не созидатель, но он даже не реставратор. Он только консерватор в самом узком смысле этого слова. Он...мороз, сторож, нравственная гробница" [19].

Трагедия Л. Тихомирова и К. Леонтьева была в том, что их взгляды формировались в эпоху господства интеллигентского консерватизма, под влиянием ярких его представителей. Но реализовываться эти идеи начали слишком поздно, когда охранительное направление, взятое на вооружение представителями бюрократии, уже набирало ход. Условным водоразделом этих двух течений была болезнь и смерть Александра III, с которым и умерли надежды представителей старой школы консерватизма.

В заключении хотелось бы отметить, что в свете возвращения к духовно-нравственным ценностям, традиционно присущим русскому народу, несомненно и сегодня актуально звучат идеи, высказанные этими мыслителями, в частности, об осознании исторического места России в мире, как носительницы православной культуры, и о своеобразии российского государственно-политического устройства, исходящего из особых географо-политических факторов, а отсюда и их мысль о невозможности абсолютного копирования Россией западно-европейских правовых и социальных моделей, к которым так тяготели представители либерализма в России. Интересные, оригинальные, порой спорные идеи этих публицистов, которые долгое время оставались невостребованными, во многом могут обогатить современную отечественную историческую, политическую и философскую науку. Кроме того, они могут дать позитивный толчок к переосмыслению роли России в раскладе сегодняшней политико-исторической ситуации в мире, в которой она оказалась после краха коммунистической идеологии и распада социалистического лагеря.

Примечания:

1. "Русское обозрение" - журнал консервативного направления. Издавался в Москве с 1890 г. Под руководством редактора кн. Д. Цертелева на пожертвования крупных меценатов, в первую очередь Д. Морозова, а с 1896 г. на правительственные субсидии.
2. Леонтьев К., наш современник. Спб. 1993. С.355.
3. Там же. С.356.
4. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М. 1993. С.1-2.
5. РГАЛИ. Ф. 290. Оп.1. Д.51. Л.3.
6. О.А. Новикова, урождённая Киреева, сестра генерала А. Киреева, известного последователя К.Аксакова, крестница Александра III, невестка посла. Была близка к российскому двору и стояла на славянофильских позициях.
7. РГАЛИ. Ф.345. Оп.1. Д.749. Л.6.
8. Леонтьев К., наш современник. Спб. 1993. С.374.
9. Пазухин А.Д. Состояние России и сословный вопрос. М. 1886. 64 с.
10. Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Цветущая сложность. М. 1992. С.287.
11. РГАЛИ. Ф.95. Оп.1. Д.837. Л.6.
12. РГАЛИ. Ф.290. Оп.1. Д.51. Л.4.
13. Тихомиров Л.А. Социальные миражи современности //Русское обозрение. 1891.№ 7. С.284.
14. Леонтьев К., наш современник. Спб. 1993. С.371.
15. Тихомиров Л.А. Воспоминания. М.-Л. 1927. С.397.
16. ГАРФ. Ф.634. Оп.1. Д.22. Л.34.
17. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Избранное. М. 1993. С.95.
18. Пайпс Р. Русский консерватизм во второй половине 19 в. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук. М. 1970. С.11.
19. Коноплянкин И. Жизнь К.Леонтьева.Спб. 1911. С.124.

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ВОСПРИЯТИИ СМЕРТИ В КОНТЕКСТЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА.

Зайцева Т.И.

При рассмотрении ряда подходов и методов анализа проблемы смерти, наработанных в современной французской историографии, становится очевидным смысловое совпадение как многих результатов, так и самих направлений исследовательского поиска. Это обстоятельство делает возможным реконструкцию некоторых моделей, на отдельных разрозненных сюжетах обнаруживаются общие доминанты ментальности смерти. Через призму смерти, отношения к ней средневековый человек обнаруживал и отношение к себе, обществу. Это отношение не было неизменным; традиционализм, авторитарность, подчинение корпоративным нормам постепенно сменялись новыми ценностями, связанными с осознанием собственной идентичности, и это новое умонастроение проявляло себя в отношении человека к смерти. Западная медиевистика наработала на этот счет богатый материал. При рассмотрении изменения представлений о смерти раскрывается их историческая обусловленность, связь с другими ценностями, а также с процессом становления самосознания личности, складывания человеческой индивидуальности. Тем самым становится возможным установление связи умонастроений с динамикой исторического процесса.

В контексте трансформации европейского общества на рубеже XIV- XV веков вырисовывается целый комплекс новых явлений и в восприятии смерти. Следует учитывать, что эта трансформация происходила во времени большой протяженности, и любая хронология может носить только условный характер. В постепенно приводящих к разрушению традиционной культуры процессах можно выделить множество этапов и порой противоречащих друг другу тенденций.

С XIV века по Европе прокатилась волна эпидемий чумы. Возникший задолго до начала "черной смерти" социальный кризис нашел наиболее яркое воплощение